

ХНГ ленин, чрезвычайно верящую для научной работы формулировку о том, что *привидность* — это важный признак языка коммунистической пропаганды. Значительный обзор книги А. И. Ефимова, считаю необходимым отметить, что в книге встречаются фактические неточности, ошибки. Так, произведение Карамзина «Пантеон российских авторов» переименовано в «Пантеон писателей российских» (стр. 224), а шишковская «Беседа любителей русского слова» — в «Беседу любителей российской словесности» (стр. 223). Иронические *лошаднее* и *короннее* созданы Шишковым по образу *человечнее*, а не *трогательнее*, как это сказано на стр. 237. Вопреки утверждению автора на стр. 276, Пушкин нигде не называл брата Льва «институткой». Речь, очевидно, идет о письме от 24 января 1822 г., где Пушкин пишет брату: «Как тебе не стыдно, мой милый, писать полурусское, полуфранцузское письмо, ты не м о с к о в с к а я к у з и н а». На стр. 318 А. И. Ефимов пишет, что Гоголь употреблял многие слова и выражения, включенные в Академический словарь 1847 г. как «просторечные» и «простонародные»; в качестве примера приведены *трухнуть*, *откальвать* (мазурку), *блажь*, *оплеуха*, выражение *губа не дура*. Между тем и одно из этих слов не помечено в Словаре 1847 г. как «просторечное» или «простонародное», причем для *откальвать* приведенное значение не зафиксировано, а выражение *губа не дура* вообще не приведено в Словаре. Очень много ошибок в приведенных в книге текстах из древнерусских памятников.

*

А. И. Ефимов проявил большую творческую смелость, написав первое (если не считать пособия для заочников С. Д. Никифорова) учебное пособие, ставящее задачу относительно систематического изложения курса истории русского литературного языка. Уже это одно заслуживает всяческого поощрения, похвалы и благодарности. Вместе с тем нельзя не видеть крупных недостатков книги А. И. Ефимова. Несомненно, что значительная часть этих недостатков обусловлена неудовлетворительным состоянием самой дисциплины, однако несомненно и то, что многих из них можно было бы избежать даже и при современном уровне науки об истории русского литературного языка. Создание полноценного учебного пособия по истории русского литературного языка и после выхода книги А. И. Ефимова попрежнему остается первоочередной, требующей неотложного разрешения задачей.

В. Д. Левин

Русско-молдавский словарь. 61 000 слов. Под ред. А. Т. Борща, Н. Г. Корлягану, Е. М. Руссева. — М., Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1954. 836 стр. (Ин-т истории, языка и лит-ры Молдавского филиала АН СССР).¹

В ноябре прошлого года Молдавским научно-исследовательским институтом истории, языка и литературы совместно с Издательством иностранных и национальных словарей выпущен Русско-молдавский словарь на 61 тыс. слов. Выход словаря в свет совпал с празднованием тридцатилетней годовщины Советской Молдавии.

Молдавская общественность с нетерпением ждала появления словаря. Это и понятно: как дореволюционные русско-молдавские словари, так и словари 20—30-х гг., не отвечали практическим нуждам культурного и хозяйственного строительства Молдавии из-за своей устарелости и различных крупных недостатков. Русско-молдавский словарь 1949 г. вследствие своего небольшого объема (этот словарь приближался к типу кратких школьных словарей) также не мог удовлетворить широких запросов языковой практики Молдавии. А между тем можно без преувеличения сказать, что во всех

¹ В статье используются следующие библиографические сокращения: ALRM II — *Micul atlas linguistic român, partea II — de E. Petrovici, Sibiu—Leipzig, 1940* (Малый румынский лингвистический атлас, ч. II). В Атласе отражены молдавские говоры правобережной части МССР.

Словарь Кандри — *Dictionarul enciclopedic ilustrat «Cartea Românească», București, 1931*: *partea I—de I. A. C a n d r e a*; *partea II—de Gh. A d a m e s c u* («Иллюстрированный энциклопедический словарь»); ч. I — И. А. Кандри; ч. II — Г. Адамеску). «Словарь 1949 г.» — «Русско-молдавский словарь», гл. ред. И. Д. Чебан, редакторы-составители: Н. Г. Корлягану и Е. М. Руссев, Кишинев, 1949. Бидрептар — И о п Д. Ч о б а н у, Молдавский орфографический словарь [для средней школы] («Бидрептар ортографик pentru școala mijlocie», де 7 ая шп чей мижлочие), Кишинев, 1949.

Кроме того, даются ссылки на «Русско-румынский словарь», (сост. Н. Г. Корлягану и Е. М. Руссев, М., 1954) и на «Румынско-русский словарь» (под ред. Б. А. Андрианова и Д. Е. Михальчи, М., 1953).

сферах хозяйственной и культурной жизни республики на каждом шагу возникает необходимость перевода с русского языка на молдавский и обратно.

Вместе с тем, ввиду отсутствия молдавско-русских и молдавских одноязычных толковых и энциклопедических словарей, русско-молдавский словарь должен стать орудием развития и совершенствования культуры устной и письменной речи, средством упорядочения, нормализации и очищения молдавского языка от всякого рода жаргонных и диалектных слов. Наконец, русско-молдавский словарь окажет молдавским читателям большую помощь при чтении русской литературы и явится необходимым пособием при изучении русского и молдавского языков.

Таким образом, сама жизнь настойчиво указывала на необходимость создания хорошего и полного русско-молдавского, равно как и молдавско-русского словаря. Выход в свет настоящего словаря является для советской Молдавии событием национального значения.

В пользу нового русско-молдавского словаря говорит уже его объем (61 тыс. слов) и богатство фразеологии. Русский словник, являющийся базой при составлении каждого русско-национального словаря, в целом сделан очень тщательно. Его составители учли большую часть замечаний, содержащихся в рецензиях на словарь русского языка, составленный С. И. Ожеговым, и на различные русско-национальные и русско-иностранные словари. Здесь можно указать лишь на отдельные частные недостатки. Так, в словнике отсутствуют такие употребительные слова, как *значист*, *кочник* (хищная птица), *отличение* (отличение реального от фиктивного), *поточно-комплексный*; нет в словаре таких получивших в последнее время широкое распространение терминов, как *антибиотики*, *геноцид*. Вместе с тем словник можно было бы разгрузить за счет исключения из него некоторых узко специальных терминов: *абака*, *абумия*, *абсорбционный* (при сохранении существительного *абсорбция*), *аграрий*, *жиклер* и областных слов типа *мажуа*.

Удачная композиция и богатство русского словника во многом определяют правильное построение всего словаря. Гнездовой метод позволяет дать вместе с заглавным словом наиболее важные свободные и несвободные словосочетания, в которых это слово встречается. Гнездовое расположение материала дает также возможность указать грамматические формы русского слова.

Ср., например, в статье *путь*: *сбиться с пути* (род. падеж), *по пути* (дат. падеж), *путь* (именный падеж), *сужим путем* (твор. падеж), *быть на пути* (пред. падеж) *к чему-либо*, *пути* (им. падеж мн. числа) *сообщения* и т. д. Этот прием в некоторой степени восполняет отсутствие в словаре краткого грамматического справочника русского языка (см. ниже).

Подбирая молдавские соответствия русским словам и выражениям, составители словаря в целом отказались от языкового изобретательства. Они правильно учли применительно к молдавскому языку известное указание В. И. Лепива о борьбе с коверканьем русского языка и справедливо игнорировали такие нелепые выражения, как *дрептумалуришишник*, *тотционал*, *пумытлолукрая*, *колектисник*, — слова, искусственно созданные вопреки словообразовательным закономерностям молдавского языка (нужно: *депе малуа дрепт «правобережный»*, *атотционал «всесоюзный»*, *лукрая пумытлуау «обработка земли»*, *колектис «коллективная»*).

Большие трудности стояли перед составителями словаря при переводе научно-специальных терминов. С развитием молдавской национальной культуры и науки, а также в связи с индустриализацией советской Молдавии появилась острая потребность в создании большого количества научных и специальных терминов, которых раньше никогда не было в словарном составе молдавского языка. Однако в Молдавии до последнего времени с упорядочением научно-технической терминологии дело обстояло плохо. Языковеды и литераторы, интересовавшиеся этими вопросами, занимались в основном бессодержательными спорами о том, нужно ли использовать только русскую терминологию или следует ориентироваться исключительно на румынские терминологические системы.

Поскольку и после выхода рецензируемого словаря некоторые критики в Молдавии оценивают сделанные в нем переводы научно-технических терминов, исходя из этих схоластических установок, необходимо напомнить об основных положениях теории термина.

Как известно, развитие терминологии отличается от развития других слоев словарного состава. Если, например, обогащение бытовой лексики происходит по большей части стихийно, то образование новых научно-технических терминов должно осуществляться под постоянным контролем языковедов и отраслевых специалистов. Дело в том, что термин должен в своей языковой структуре отражать не только научную сущность того или иного понятия, но и отношение его к другим соподчиненным научным понятиям. Об этом говорил еще Ф. Энгельс, подчеркивая, что «в органической химии значение какого-нибудь тела, а, значит, также название его, не зависит уже просто от его состава, а скорее от его положения в том ряду, к которому оно принадлежит»¹.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 509.

Ср., например, термины: русск. *серная кислота* = молд. *ацид сульфурик*, русск. *сернистая кислота* = молд. *ацид сульфуроз*, русск. *сернооватистая кислота* = молд. *ацид хипосульфуроз*, в которых посредством русских суффиксов *-н*-, *-ист*-, *-оватист*- и молдавских аффиксов *-ик*-, *-оз*-, *-хипо*- указывается, сколько атомов кислорода содержится в молекуле кислоты.

Руководствуясь этим положением, составители словаря в основном использовали два источника для пополнения молдавской научно-технической терминологии. Во-первых, в словаре имеются русские слова или русифицированные интернациональные термины, подведенные под грамматические нормы молдавского языка: *барабан*, *торф*, *треларе*, *шина* и т. д. Употребление русских заимствований особенно целесообразно тогда, когда оно поддерживается в молдавском языке словами общего корня и близкими по значению, т. е. формами, помогающими правильно передать научное содержание термина. Ср.: русск. *вал* (у машины) — молд. *вал*, русск. *кладка* — молд. *кладуре* (от глагола *a cladi* «строить, воздвигать, сооружать»); в румынском языке используется слово *zidire*, этимологически не связанное с русским термином). Кроме того, заимствование русских терминов позволило составителям словаря избежать разговорных построений, например, *станок* вместо *масе де лукру* или *машине-унялте*, *тол* «толь» вместо *картон асфалтат*, *трапа* «трап» вместо *скара де бас*. А ведь известно, что во всех языках терминология стремится обозначать одно научное понятие одним словом.

Во-вторых, для образования научно-технических терминов словарь использует греческие и латинские корни, широко употребляющиеся во всех языках мира, в том числе и в русском. Использование этого приема вполне оправдано, поскольку он приближает молдавскую терминологию к уже принятым в науке международным терминологическим системам. Употребление греческих и латинских форм часто позволяет раскрыть сущность научного понятия и определить его положение в том классификационном ряду, к которому оно принадлежит (ср. приведенный выше пример: *ацид сульфурик* — *ацид сульфуроз* — *ацид хипосульфуроз*). Совершенно правильно поступают авторы словаря, когда, используя те или иные греко-латинские основы, подводят эти последние под фонетические и грамматические законы молдавского языка. Так, например, латинское *processus* «движение вперед» должно заимствоваться молдавским языком только в форме *процес* (как и дано в словаре), но не в форме *процесс*, поскольку, согласно фонетическим законам молдавского языка, латинское двойное *e* упрощается, а *i* перед *e* именительн. и ч. Таким же образом нужно говорить в неопределенной форме *география*, но не *география*, поскольку в молдавском языке *g* перед *e* дает *ж*, а окончание *ia* у существительных женского рода воспринимается как определенный артикль.

Использование латинских корней бывает более целесообразным, чем употребление русского слова, в тех случаях, когда латинский термин унифицируется с общепринятым молдавским словом, и результаты чего для молдавского становится истинной сущностью научного понятия, обозначающего данным термином. Ср. *аурифер* рядом с *аур* «золото», *ферос* рядом с *фер* «железо», *курент* рядом с *а курже* «бежать». Употребление русских слов *волотонисий*, *железистый*, *ток* не раскрывало бы внутреннюю структуру указанных понятий. Никого не должно смущать тот факт, что некоторые молдавские научные термины по своему звучанию напоминают аналогичные французские, итальянские, румынские. Молдавское *география* почти совпадает по звучанию с французским *géographie* [«географía»] не потому, что оно заимствовано из французского языка, а потому, что в этих родственных языках действует один и тот же фонетический закон: *g* перед *e*, и изменяется в *ж*. В других романских языках указанная закономерность несколько видоизменена, вследствие чего это слово произносится по-румынски как [«джеография»], а по-испански [«хеография»].

Хотя составители и редакторы словаря в целом правильно решили трудную задачу перевода русских научно-технических терминов на молдавский язык, они не ушли одного частного момента. Как известно, нередко бывает, что одно и то же терминологическое понятие в молдавском языке обозначается двумя словами, одно из которых бывает в специально-научном или официально-деловом обиходе, а другое — в разговорно-бытовой речи. Иногда в словаре даются оба варианта: например, русск. *клецвина* — молд. *ричина* и *рычина*, русск. *сера* — молд. *сульф* (хим.) и *пучосе*, русск. *местком* — молд. *комитет локал* и *местком*. Однако чаще всего разговорный вариант в словаре отсутствует. Так, например, русск. *изжога*, *правление*, *председатель*, *сельсовет*, *саяка* и др. переводятся только официальными и научными терминами: *жиге*, *прешедите*, *кырмуире*, *совет сатек*, *свямэтоаре*, а народно-разговорные варианты *жигарае* (ср. словарь Кандри, Бидрентар, Русско-молдавский словарь 1949 г., а также Румынско-русский словарь, который дает здесь помету «разговорное слово»), *претсидатия*, *правление*, *сельсовет*, *сваяка* в словаре не даны. То, что авторы словаря совершили ошибку, не включив в словарь народно-разговорные дублиеты научных и административных терминов, видно из следующего примера. Предположим, нужно перевести на молдавский язык такой обыденный диалог:

«— Вы кто, член правления?.. — спросил я.

— Нет, я председателя жду» (С. Антонов, Поддубенские частушки).

Если следовать словарю, то перевод должен звучать так:

«— Думнявоастрэ чине сынтень, ун мембру ал кырмузрий?»— ам ынтребат еу.
— Ну, ыл аштепт пе прешедяте».

Между тем такой перевод звучит совершенно фальшиво: из-за употребления официальных терминов в нем уничтожена стилистическая окраска непринужденной разговорной речи. Единственно правильным будет.

«— Мата чине ештэ — член а правленийей?»

— Ну, ыл аштепт пе претседатил».

Отсюда ясно следует, что в словаре паравне с официальными и научными терминами должны быть даны народно-разговорные дублеты, снабженные соответствующими стилистическими пометами: «разговорное», «народно-поэтическое». Кстати, следует заметить, что стилистическими пометами в словаре снабжены лишь русские слова, молдавские же почему-то приводятся без них. Поэтому человеку, недостаточно владеющему молдавским языком, пользоваться словарем будет трудно.

Если проблема отбора молдавской терминологии в словаре разрешена правильно, то с выбором бытовой лексики дело обстоит менее благополучно. Общеизвестно, что основой развития каждого языка является народно-разговорная речь. В связи с этим непонятно, почему из словаря последовательно удалены слова, характерные для общемолдавской городской и крестьянской речи. Приведу несколько примеров: русск. *кольцо*, *веко* переводится как *инел*, *вериги*, между тем как в разговорной речи оба эти слова употребляются реже, чем слово *белюга*, которого в словаре нет [ср. у Крыги: «Скляпим... ун вэзрар ку белчуг» (Избр. произвед., Кишинев, 1953)].

В словаре отсутствуют такие употребительные слова, как *хлеб* (словарь Кандри сопровождает это слово пометой «молдавское»; см. статьи *Chita* и *Pita*) «хлеб»; *палатка* (ср. ALRM, II, карта 291) «палатка». Русск. *плетень* переведено искусственным, тяжелым выражением *гард ымплетит*, *гард де нуле* вместо народно-разговорных форм *гардучан*, *гардуц* (ср. ALRM, II, карта 360; реже встречаются формы *граць*, *ынгердичур*).

Иногда изгнание народных слов отражается и на точности русско-молдавских соответствий. Так, русск. *братишка*, *братец*, *браток* переведено одним словом *фрациор*. Между тем *братишка* в русском языке употребляется как фамильярное обращение к равному по положению мужчине и соответствует употребляемым в Молдавии народно-разговорным словам: *фрацикэ*; *фрацине* — *меу*, *сэу* и т. д. (ср. ALRM, II, карта 185); *фрацие* (ср. ALRM, II, карта 190); последнее употребляется только в обращении.

Молдавский институт истории, языка и литературы ежегодно проводит диалектологические и фольклорные экспедиции, которые дают ценные материалы для изучения молдавской народно-разговорной речи. Однако эти материалы годами лежат под спудом. Не использованы они, как видно, и при составлении настоящего словаря.

Но предположим, что у составителей словаря были какие-то основания отказать от просторечной и разговорной лексики, и отбор слов бытовой значения производился из языка художественных произведений. Об этом, кстати, говорится в предисловии к словарю (стр. 5). Для того чтобы проверить справедливость этого положения, проведем следующий эксперимент: возьмем на выбор несколько отрывков различных стилей и жанров из произведений классиков молдавской литературы и посмотрим, насколько их лексика отражена в словаре.

Начнем с И. Крыги. Взяв вторую главу его «Детских воспоминаний», написанных в народно-разговорном стиле, в первом же абзаце находим восемь слов и выражений, которые не отражены в словаре:

Причич «шесток» (ср. в словаре Кандри: «карниз, выступающий край у печи», с пометой «молдавское слово»). Словарь ошибочно переводит русск. *шесток* словом *еатрэ*, что значит в действительности «очаг», «устье русской печи» (в словаре Кандри: «место в печи, где разводится огонь», см. рисунок № 5237). Любопытно отметить, что Русско-румынский словарь, составленный Н. Г. Корятину и В. М. Русевым, являющимся также редакторами рецензируемого Русско-молдавского словаря, дает правильное румынское толкование обоих слов: *шесток* — *prichiciu*, *очаг* — *vatră*.

А се гынди ла «вспоминать о» или «думать о чем-либо прошедшем» (в отличие от *а гынди*, *а се гынди* «думать вообще»).

Дулэ плак «по душе», «по вкусу» (отличается от выражения *пе плак* «в угоду»). Словарь дает для передачи русского выражения «по душе» приблизительные соответствия: *аста ымь вине ла сокотляэ*, *ымь плаче*, что значит «это мне подходит, это мне нравится».

Жукорие «забава». Словарь ошибочно переводит русск. «забава» словами *жок*, буквально «игра» и *петречере* «развлечение». В этой же статье русская фразеология «детские забавы» переводится выражением *петречере копилагрешть*, которое обозначает в действительности «детские развлечения», например цирк, карусель, театр марионеток и т. п. Очевидно, автор статьи не достаточно точно понял значение русского слова «забава».

В словарь не попали такие слова, употребляемые писателем в этом же отрывке

как *zav* «очарование» (словарь дает это слово только в значении «потеха»); *видестулат* как прилагательное «обеспокоенный»; *дяпураза* «навек», «навсегда» с народно-поэтической окраской; *стурлаубатик* «безумный», «безрассудный».

Обратившись к поэзии М. Эминеску, мы находим в стихотворении «На той же улочке» четыре слова и выражения, отсутствующие в словаре:

Боскет «роща», «декоративный кустарник» (см. словарь Кандри). Словарь переводит русск. «роща» посредством слова *падуриче*, что значит буквально: «лесок».

А рэама де чева «опереться обо что-либо». Словарь дает *a рэама те уи бац* «опереться на палку».

Заплаз «дощатый забор». Ср. также у Александри: «Сай деграбэ заплазул, неделкуе, ши винэ льнгэ мине» (Избр. произвед., Кишинев, 1954).

Тайнуит «таинственный». Ср. также у Александри: «Жос, ми валя тэйнуитэ... доуэ умбре... се сэрутау» (там же).

В первых десяти строчках 27-го полемического письма К. Негруцци (Избр. произвед., Кишинев, 1953) обнаруживаем два слова, отсутствующие в словаре: *менцие* «отзыв», «похвальная грамота», *онорабила* «почетная», а также слово *болд*, которое не используется в словаре как эквивалент русских слов «стимуль», «побуждение».

Наконец, обратимся к переводу пушкинских «Цыган» поэта бессараба А. Допича. Уж здесь-то трудно ожидать каких-либо неувязок со словарем. Однако на первой же странице находим слова, отсутствующие в словаре: *гылмавэ* «ссора», «распря», «спредательство»; *цол* «грубое шерстяное одеяло» (ср. у Крынги: «Я акуш вэ ард кытена жордий прии полул челэ»), словарь использует уменьшительное *цолшор*, но ведь оно имеет совершенно другое значение — «коврик», «дорожка».

Слово *ымпресурат* у Допича употреблено в значении «обрамленный», в то время как словарь дает его только в специально-военном значении, например, «окруженная, обложенная крепость». Что касается русского слова «обрамленный», то оно переводится только словом конкретной семантики *ыграмаг*, буквально: «заклученный в рамку». Автор статьи не учел переносного, дополнительного значения русского слова — значения, точно передаваемого молдавским *ымпресурат*.

Итак, ясно, что язык молдавских классиков использован в словаре весьма недостаточно.

Но, может быть, авторы словаря ориентировались не на язык классического периода, а на язык советских молдавских писателей? Проведем аналогичный опыт. Общия картина остается такой же. Первый отрывок поэмы Е. Букова «Моя страна» — произведение, написанное исключительно простым языком — дает три слова, не отмеченных или недостаточно использованных в словаре:

Рафт «скижный полка». Словарь дает только *полка*, что означает «полка» в широком смысле слова.

Барда «людицкий топор», «тесло», «бердыш». *Барда* используется в словаре только в качестве пометки: *А крести ку топорул, ку барда* «делать зарубки топором, теслом».

Опанц «пелюшка», «светильник» (последнее — в прямом, переносном смысле) в словаре использовано лишь для передачи первого русского значения. Русское слово «светильник» переводится посредством неточного соответствия *факле*, что означает «факел», «горящая лупина», «восковая свеча», «светоч» (см. словарь Кандри).

Первые страницы детского рассказа «Незабываемый день» А. Лунаца дают такие незафиксированные в словаре слова и выражения, как *броской* «жаба»; *трап* «рысь», «аллюр»; *дин тоате бакорле пещулуй* «что есть мочи», «во весь голос»; *ыи брыничэ* «на четвереньках» (словарь дает громоздкое описательное выражение *ыи патру лабе*, буквально: «на четырех лапах»). Слово *брыничэ* «лапа», «коготь» в словаре также не дано.

Итак, язык современных молдавских писателей использован в словаре также недостаточно полно.

Вообще основным недостатком словаря является приблизительный, кустарный подбор молдавских соответствий в некоторых статьях. Наряду с вышеприведенными неточностями укажу еще один характерный в этом отношении пример: русск. «задувать свечу» переводится выражением общего значения *а стинже о лумынаре* «потушить свечу», в то время как существует более точное соответствие *а суфла лумынаре* (в просторечии *а суфла* «ин лумынаре» «задувать свечу»; см. ALRM, II, карта 51; ср. также словарь Кандри).

Вместе с тем составители словаря явно злоупотребляют описательными выражениями, которые зачастую лишь приблизительно передают смысл русского слова. Ср. такие приведенные выше примеры, как *пстречере копилареште* вместо *жукарий*; *ыи патру лабе* вместо *ыи брыничэ* и др.

Большинства из этих промахов можно было бы избежать, если бы составлению словаря предшествовало кропотливое и а у ч н о е и з у ч е н и е народно-разговорной речи, языка современной литературы и особенно языка классиков — Крынги, Эминеску, Александри, в произведениях которых кристаллизовались нормы молдавской литературной речи.

Последнее мое замечание касается грамматического аспекта словаря. Русско-молдавский словарь предназначен не только для людей, одинаково хорошо владеющих обоими языками, поэтому необходимо было дать в качестве приложения краткие грамматические очерки (схемы) русского и молдавского языков. Кроме того, нужно было снабдить молдавские существительные и глаголы, имеющие отклоняющиеся формы склонения и спряжения, соответствующими указаниями (в отношении русских слов это сделано). Действительно, как можно определить, не владеет ли активно молдавским языком, литературно-правильные формы спряжения глагола *a trebui* «нуждаться», если народно-разговорная речь даст три варианта: *ea trebuie*, *ea trebuieste*, *ea trebuieaz*?

Итак, новый русско-молдавский словарь имеет свои положительные стороны, но есть в нем и недостатки.

В целом словарь следует оценить положительно. Новым русско-молдавским словарем будут пользоваться сотни и тысячи читателей — переводчики, журналисты, партийные работники, учащиеся и преподаватели средних и высших учебных заведений, работники сельского хозяйства и промышленности. Постоянно пользуясь словарем, читатели смогут выявить его нескрытые ошибки и недочеты, а их, конечно, немало в таком капитальном труде. Задача Института истории, языка и литературы Молдавского филиала АН СССР — внимательно изучить мнения и замечания читателей. Критическое использование этих замечаний и указаний поможет Институту и Издательству в последующих изданиях довести словарь до того высокого лингвистического уровня, который присущ большинству наших советских словарей.

Р. Г. Пиотровский

«Сравнительная грамматика русского и азербайджанского языков». Под ред. М. А. Ширалиева и С. А. Джафарова.—Баку, Изд-во Азерб. гос. ун-та им. С. М. Кирова., 1954. 398 стр.

Можно констатировать все возрастающий интерес к сравнительному изучению русского и национального языков в наших научных республиканских центрах. В последние годы одна за другой выходят сравнительные грамматики русского и национального языков в Татарии, Башкирии, Чувашии¹ и Азербайджане.

«Сопоставление систем двух языков, например русского и какого-нибудь другого из национальных языков Советского Союза,— отмечает В. В. Виноградов,— является ценным методическим приемом обучения языку с иным грамматическим строем»².

Действительно, сравнение и сопоставление двух языков широко применяется и дает свои положительные результаты при обучении языкам в школах и вузах. Следует, однако, указать на относительную неразработанность методики составления сравнительных грамматик русского и национального языков. Нам представляется, что при сравнении двух языков, русского и национального, следует учитывать как специфические особенности каждого из сопоставляемых языков, так и то общее, сходное, что наблюдается между ними по линии фонетики, морфологии и синтаксиса. Такая методика, которая совмещает в себе учет специфического и общего между сопоставляемыми языками, далеко не всегда последовательно проводится авторами сопоставительных грамматик, в частности и авторами рецензируемой нами сравнительно-сопоставительной грамматики русского и азербайджанского языков.

Это наше общее замечание, как покажет дальнейшее изложение, будет касаться не всех разделов настоящей грамматики. Хочет отметить, что некоторые разделы рецензируемой работы построены методически удачно и не вызывают у нас возражений. С учетом специфических особенностей каждого из сопоставляемых языков дается раздел «Категория грамматического рода имен существительных» (стр. 43—48), в котором вскрывается специфика обозначения категории рода в русском и азербайджанском языках. В разделе, посвященном категории принадлежности (стр. 80—82), автор не ограничивается тем, что дает простое соответствие формантов этой грамматической

¹ Р. С. Газизов, Опыт сопоставительного освещения грамматических особенностей русского и татарского языков, Казань, 1952; Р. Н. Терегулова и К. З. Ахмеров, Сравнительная грамматика русского и башкирского языков, Уфа, 1953; Н. А. Резюков, Очерки сравнительной грамматики русского и чувашского языков, Чебоксары, 1954.

² В. В. Виноградов, Развитие советского языковедения в свете учения И. В. Сталина, сб. «Сессия отделений общественных наук АН СССР, посв. годовщине опубликования гениального произведения И. В. Сталина „Марксизм и вопросы языковедения“, М., 1951, стр. 42.